

УДК [811.161.1+811.512.122/.133]’255.2/.4:347.78.034

СЫЗДЫКБАЕВ Нурғали Артыкбаевич,кандидат филологических наук, доцент кафедры «Тилдер» университета «Сырдария»;
ул. Мухтара Ауэзова, 11, г. Жетысай, Шымкентская область, Казахстан;
e-mail: siznur@mail.ru; тел.: +7 (872534) 61463

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА РОМАНА Ч. АЙТМАТОВА «КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ (ВЕЧНАЯ НЕВЕСТА)» НА КАЗАХСКИЙ И УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫКИ

Аннотация. *Цель* статьи — разграничить в процессе описания трудности перевода, возникающие как следствие собственно языковых причин в языке-источнике и языках переводов. *Объект* исследования — русский оригинал текста романа Чингиза Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» и тексты его переводов на казахский и узбекский языки. *Предмет* исследования — особенности межъязыкового перевода, имеющие, во-первых, социолингвистическую природу; во-вторых, — связанные со своеобразием индивидуальной поэтики Ч. Айтматова. В работе использованы *методы* аксиологического, семантического, сравнительного анализа, исторический и описательный методы. В *результате* проведённого исследования сделаны следующие *выводы*. В романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» получила яркое воплощение кросскультурность художественного мышления Чингиза Айтматова. Выделение приёмов, реализующих это свойство в поэтике текста, и анализ способов их перевода на тюркские языки, не родственные языку оригинала, но близкие друг другу по принадлежности к одной языковой семье, дают возможность постановки принципиально новых проблем, не формулируемых в классической теории перевода. Исследовательский подход, намеченный в статье, имеет *практическое применение*, поскольку способствует интерпретации иноязычных вкраплений, элементов, которые обычно считаются не переводимыми, лишёнными более или менее «близких» эквивалентов либо не всем понятный культурный фон.

Ключевые слова: межлитературная коммуникация, кросскультурное мышление, типы трудностей художественного перевода, автокомментарий, тюркоязычные вкрапления, Чингиз Айтматов.

Одну из ключевых позиций в межлитературной коммуникации занимает художественный перевод. Как особый вид межъязыковой коммуникации он издавна служит не только общению между представителями разных народов, но и взаимовлиянию и взаимообогащению разных этнокультур. Если перевод вообще — это своеобразный мост, связывающий национальные духовные миры с мировой духовностью, то художественный перевод — это, в первую очередь, самобытное искусство, где без «проявления творческой индивидуальности, которое принимает в переводе несколько иную форму, чем в оригинальном творчестве, обойтись трудно, так как то, что является индивидуальным своеобразием художественного произведения, может быть воссоздано через индивидуальное же» [8, с. 219], а именно через индивидуальное сознание переводчика.

В истории каждой страны искусство перевода развивается, опираясь на национальные традиции отношения к «иному», «чужому», в результате чего эволюционирует духовная культура народа-получателя и изменяется пространство бытия первоисточника.

Бурное развитие процессов «коммуникации без границ» и глобализации сделали XX век «веком перевода» [13, с. 118]. Сочетание в этом веке двух противоречащих друг другу тенденций: поиска новых путей этнической самоидентификации и острого интереса к совсем далёкому, другому, экзотическому — принципиально изменило роль перевода в мировой культуре. Перевод способствует как внешнему, так и внутреннему обогащению литературы, языка, мышления в целом. Вследствие этого исследователи зачастую говорят о переводе как сочетающем в себе «внешнеконтактную и внутриконтантную» [9, с. 128] функции.

Выбор переводчиком произведения зависит от целей и задач, которые он ставит перед собой. Простейшей ознакомительно-информационной задачей считалась передача (пересказ) фабулы произведения. При таком подходе перевод не был специально нацелен на воссоздание художественных особенностей оригинала. Но даже на этом этапе уже проявлялись «межкультурные различия», искажающие понимание произведения читателями перевода. Различия системы ценностей и культурных традиций, запечатленных в языке оригинала и языке перевода, препятствовали пониманию смысла поступков и особенностей поведения героев, так как переводчик лишь механически воспроизводил события, а воспринимающие, далёкие от знания специфики национальных обычаев, образа жизни и языка, отражённых в оригинале, понимали и трактовали их неадекватно. Известный теоретик и практик перевода Н. В. Владимирова отмечает: «...воссоздавая конкретное произведение конкретного автора, переводчик воспроизводит его национальное и индивидуальное своеобразие и неповторимость» [8, с. 209]. Способность добиться этого является показателем качества переведённого произведения, так как перевод

должен сохранить поэтические особенности, национальную самобытность и авторскую индивидуальность первоисточника.

При переводе происходит проникновение одной культуры в совершенно другую национальную культурную среду, возникает своего рода «диалог культур». По точному замечанию М. Бубера: «Границы возможности диалога — это границы проникновения» [6, с. 99–101]. Если в процессе работы автор изначально существует в пространстве своего произведения, своих персонажей, то переводчик должен, прежде всего, подвергнуть это пространство анализу и лишь потом переходить к его воссозданию. Лишь соблюдая этот принцип, переводчик получает возможность не только интуитивно, но и рационально контролировать уровень адекватности оригинала и перевода. Как это ни парадоксально, но количество трудностей, связанных с несоответствиями, расхождениями и прямыми несходствами картин мира близкородственных языков, не только не сокращается, но явно возрастает. Это хорошо прослеживается на нашем материале — переводе романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» с русского на казахский и узбекский, т. е. на языки одной языковой семьи: казахский относят к языкам центральной группы тюркской языковой семьи, а узбекский — к языкам восточной группы этой же языковой семьи. Носители казахского и узбекского языков столетиями живут рядом и имеют много сходного в образе жизни. Язык оригинального текста структурно-генетически отличается от языков текстов исследуемых переводов (с флективного индоевропейского русского перевод осуществляется на агглютинативные тюркские языки). Отличается и лингвокультурный фон русского, казахского и узбекского языков. Эти отличия позволяют предсказать, переводческие сложности, а затем отыскать оптимальные варианты их решения.

Изучая общие проблемы современного перевода, Н. В. Владимирова особое внимание уделяет вопросам перевода с узбекского и на узбекский, указывает ряд недочётов, имеющих в переводоведческих исследованиях: «Не изучаются функции перевода в развитии художественного типа сознания, являющегося основным моментом выявления генезиса и эволюционной динамики литературного процесса, не проявляется интерес к проблеме роли перевода в художественном сознании писателей-переводчиков, проблем индивидуальности переводчика, которые связаны не только с лингвостилистическим, но и в главной своей части с художественным направлением» [8, с. 262]. Подобные проблемы, считает она, обусловлены тем, что при определении статуса переводоведения недостаточно учитывалась его безусловная и глубинная связь с литературоведением. В свою очередь, неразработанность этого направления в переводоведении снижает художественный уровень переводных текстов, а часто и адекватность передаваемой историко-культурной информации. Эти же проблемы поднимались представителями казахстанского переводоведения, неоднократно обсуждались как филологами-теоретиками, так и практиками-переводчиками на научных и научно-практических форумах, в научной литературе.

Чингиз Айтматов, выдающийся писатель современности, оставил огромное литературное наследие. Его сочинения переведены на многие языки мира, изданы и продолжают издаваться большими тиражами. Не стал исключением и последний роман. Он переведён не только на казахский и узбекский, но и на японский, турецкий, немецкий, французский, китайский и ряд других языков. Будучи этническим киргизом, родившимся, выросшим и начавшим творческий путь у себя на родине, Айтматов рано овладел русским языком, в чём немаловажную роль сыграли его отец и мать, бывшие весьма образованными людьми. Владение русским языком в совершенстве поставило Айтматова в ряд новых русских классиков и позволило занять достойное место в ряду современных мировых писателей. В своей публицистике он неоднократно писал об особой роли русского языка: «Знать свой язык — богатство, сделать родным чужой язык — богатство вдвойне. Русский язык открыл мне огромную часть мира. Синтезирую два менталитета, две культуры, две народные судьбы, я и писал» [13]. Обращение к русскому языку как средству воплощения инациональных реалий и синтеза восточной и западной ментальности стало крупнейшим художественным достижением писателя. Это единодушно отмечают практически все исследователи творчества Айтматова. Подобный тип воплощения инациональных реалий стал новым для литературы XX века, он во многом предопределил популярность айтматовских произведений за пределами советского, а потом и постсоветского пространства.

До повести «Белый пароход» Айтматов писал на киргизском языке. Переход на русский язык он объяснял тем, что перевод не может должным образом передать глубину философии и духовный мир его произведений.

В одном из интервью Айтматова спросили, как он относится к переводам своих книг? Ответ был очень пространным, однако постарайся передать максимально полно. По словам Айтматова, «перевод — ещё один процесс, который переживает то или иное произведение, но как бы то ни было — это сложное дело. Каждый язык существует сам по себе, имеет свои достоинства и нюансы, и у каждого языка есть свои ресурсы» [1]. Говоря о переводчике своих произведений на немецкий язык, сотрудничество с которым длилось полтора десятка лет, писатель отмечает важность того, чтобы переводчик прекрасно владел и языком оригинала, и языком перевода, обменивался мнениями с автором, сам владел художественным мастерством. Айтматов

приветствовал развитие общемировой практики переводов. Он говорил о необходимости перевести всю мировую литературу. Сам писатель ещё при жизни входил в первую десятку самых переводимых авторов мира: его произведения переведены более чем на 150 языков, в том числе малоизвестных. Переводы произведений писателя помогают ему стать человеком мира, позволяют представить образ своей родной национальной культуры многомиллионной иноязычной аудитории.

Роман Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)», написанный на русском языке, был опубликован в журнале «Дружба народов» в 2008 году [2]. В 2009 г. Нургали Кадырбаев перевёл его на казахский под названием «Таулар құлағанда» («Мәңгілің қалыңдық») [5], а Суюн Караев — на узбекский под названием «Тоғлар қулаётган замон (Абадий қаллик)» [4]. Следует отметить, что первый перевод романа на узбекский язык («Мангу қайлик») был сделан И. Гафуровым раньше перевода С. Караева и опубликован в журнале «Жахон адабиёти» в 2008 г. [3], что говорит о популярности творчества Айтматова в Узбекистане.

Основное действие последнего романа писателя разворачивается высоко в тьянь-шаньских горах, где пересекаются трагические пути двух страдающих существ — человека и барса. Оба они жертвы времени, жертвы обстоятельств, заложники собственной судьбы. Во многом из-за желания мести Арсен Саманчин, известный журналист, приехал в родное село, где для саудовских принцев организована охота на снежных барсов... Арсен приезжает в горы, но он ещё не знает, что там встретит и свою последнюю любовь, и свою смерть. Там же в горах, подобно Арсену, принимает свою смерть Жаабарс. Драматизм повествования оттенён легендой о Вечной невесте, которая «чудесным видением появляется на заснеженном горном перевале».

Обращение переводчиков к этому роману объясняется, на наш взгляд, тем, что книга воспринимается как особое явление, дающее возможность многостороннего подхода и многогранного истолкования. Кроме того, была учтена роль данного произведения в мировом литературном процессе, что накладывало на переводчиков особую ответственность.

В передаче идейного содержания исследованные нами тексты переводов исходят из целостного образа текста, из общего характера художественной ткани произведения. Такой подход даёт переводчику определённую степень свободы при сохранении верности подлиннику. В переводе важно передать и смысл, и стилистику текста. На это призывал обращать внимание Н. Я. Марр, известный своими переводами, в том числе древних грузинских и армянских памятников на русский язык. Он отмечал, что в переводе «мы в точности передаём на русский язык смысл, а не слова, стараясь не поддаваться тому ложному взгляду, по которому под точностью подразумевают буквальность перевода, уродующую и даже совсем затемняющую то, что желал выразить автор в оригинале; если где была возможность соединить точность с буквальностью, то мы, конечно, делали это охотно» [11, с. 95].

В первую очередь, охарактеризуем особенности перевода заголовка романа. Казахский и узбекский варианты названия романа имеют разное стилистическое звучание, хотя в целом, авторский смысл, заложенный в оригинале, передан. Казахский переводчик точно сохранил структуру заголовка, адекватную русскому оригиналу, его семантику и стилистическое звучание. Дело в том, что структура русского заголовка сложна: имеется основной заголовок, который структурно оформлен придаточной частью времени (*Когда падают горы*) неполного сложноподчинённого предложения расчленённого типа. Однако главная часть, которая опущена, по замыслу автора, — всё повествование, имеющее такое заглавие. В скобках же указано второе название романа, имеющее привычную для заглавий структуру простого субстантивного атрибутивного словосочетания (*Вечная невеста*). В казахском названии «Таулар құлағанда» (Мәңгілік қалыңдық) аффикс *-да* передаёт общее временное значение, адекватное русскому *когда*. На узбекский язык название переведено как «Время падающих гор» («Тоғлар қулаётган замон»). Переводчик допускает определённую вольность, хотя, казалось бы, в общесмысловом плане узбекский и русский заголовки близки. В узбекском переводе временное значение получает однозначную лексику. Если в русском оригинале и тексте, переведённом на казахский язык, акцент делается на динамизме, акциональности подразумеваемых, но не указанных действий, маркированных темпоральным детерминантом (основной заголовок), то в узбекском переводе акцент делается на темпоральной характеристике текста. Таким образом, глубинный замысел автора остаётся за пределами узбекского перевода.

Ж. Hrabák утверждает, что «переводная литература органически включается в эволюционный процесс отечественной литературы, в определённой степени восполняет недостаток отечественного эволюционного потенциала и тем самым наиболее выразительно осуществляет свою функцию связующего звена между литературами» [15, с. 49–51]. До последнего романа Айтматова в литературах Центральной Азии не было произведения, столь ясно обнажившего связь ужасов Второй мировой войны с трагедией современных экологических бедствий. Отсутствие подобного опыта и различная степень активности в лексике русского и узбекского языков слов некоторых тематических групп приводит к тому, что в высокопрофессиональном переводе возникают ошибки «ложного эквивалента», являющиеся следствием неразграничения паронимов в

языке-первоисточнике. Ср.: (Рус.) *И содрогалась земля, извергаясь сплошными взрывами от шквальных артобстрелов и разорвавшихся мин, от бомб, падающих с неба, от танковых штурмов, от встречного огня по танкам... Растерзанные взрывами речки растекались, выходя из берегов, заливая низины и овраги* [2, с. 166]. — (Каз.) *Және де жаппай қопарылысты тудырған артиллериядан оқ жаудыру мен жарылған минадан, көктен жөңкілген танкілердің шабуылуынан, танкілерге атқылаған қарсы оқ оттарынан қара жер тітіркене ақтарылды... Жарылыстың жарақатынан өзендер жағалауларынан асып-төгіліп, ойпаттар мен сай-салаларға лықсып ақты* [5, с. 136]. (Узб.) *Шиддатли артиллерия снарядларидан ва портлагаан миналардан, осмондан ёққан бомбалардан, танк штурвалларидан, танкларга отилган ўқлардан ер қалтираб-зирқираб ёппасига портлаётган эди... портлашлар натижасида ўзанлари бузиб ташиланган сой-жилгалар қирзоқларидан чиқиб настликларни ва жарларни сувга тўлдирган эди* [4, с. 224]. Русское сочетание «от танковых штурмов» переведено на узбекский как «танк штурвалларидан», т. е. «от танковых штурвалов». Ложные эквиваленты чаще возникают, если существует «слово, полностью или частично совпадающее (или близкое к нему) по звуковой или графической форме с иноязычным словом при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другое значение...» [14, с. 140]. Однако, как в данном случае, они могут возникнуть и в условиях только звуковой и графической близости. Этимологического родства между *штурм* и *штурвал* нет; семантической близости тоже нет. Ср.: *штурм* — 1. Приступ, решительная атака укрепленной позиции, крепости. 2 перен. Вообще решительное наступление на что-н. [12, с. 902]; *штурвал* — рулевое колесо на судне, самолёте, комбайне [12, с. 902].

В казахском переводе (трансляте) текста использована лексема, точно передающая семантическое содержание слова *штурм* — *шабуыл*. Ср.: *шабуыл* — нашествие, атака, наступление, нападение [10, с. 205]. Следует подчеркнуть и тот факт, что заимствованное и русским языком слово *штурм* представлено в казахском переводе собственно казахским словом. Это, вероятно, облегчает читательское восприятие.

Точность воссоздания образно-философского смысла батальных сцен достигается тем, что оба переводчика сумели сочетать почти буквальную передачу содержания с воссозданием стилистического рисунка айтматовских фраз, сохранив при этом естественность и экспрессивность синтаксиса родного языка. Вероятно, подобная возможность возникает благодаря тому, что айтматовский текст принадлежит мастеру, для которого тюркоязычие и тюркоязычные картины мира так же естественны, как и русскоязычие и русская картина мира. Поэтому в тех случаях, когда переводчикам удаётся нащупать пусть даже очень скрытые черты тюркоязычного универсума в оригинале, переводы обретают особую свободу и креативность, а обычно несочетающиеся принципы буквального и смыслового перевода оказываются способными к взаимодействию.

Успешное языковое взаимодействие обосновывается и поддерживается тем, что философские проблемы добра и зла, жизни и смерти, образующие основу идейного содержания айтматовских произведений, представляют собой сложные системы. В них присутствуют и наднациональные, универсальные, и национально специфические элементы, что позволяет наводить мосты между национальным мышлением переводчиков и синтетическим кросскультурным мышлением писателя. В результате начинает работать механизм включения инокультурного художественного текста в новые культурные парадигмы — казахскую и узбекскую.

Одной из главных проблем романа является проблема жизни и смерти. Размышления о них девятнадцатилетнего Сергея Воронцова, отправляющегося воевать на самую страшную войну XX в., переданы в обоих переводах художественно точно, с сохранением высокой степени адекватности транслята оригиналу: (Рус.) *Эшелон, набитый солдатами и оружием, поспешал туда, где предстояло убивать или быть убитым. Быть убитым не зависело от твоей воли, никто не жаждет быть убитым, и никто не знает, быть ли именно ему убитым. Убивать — дело воли, а на войне — обязательное, безусловное дело. И однако же, как скажешь себе: убить — не убить?* [2, с. 181]. — (Каз.) *Солдаттар мен қару-жараққа лық толған эшелон алдағы кезде өлтіру немесе өлу белгіленген жаққа асыға-үсіге жүйіті берді. Өлгісі келу адамның еркінде емес-ті, ешкім өлгісі келіп құмартпайды және ешкім де дәл өзі өлетінін білмейді. Өлтіру — ерік ісі, ал соғыста бұл міндетті, сөзсіз жүзеге асатын тірлік. Алайда сонда да өзіңе қалайша айтпақсың: өлтірсем бе, өлтірмесем бе деп?* [5, с. 149]. — (Узб.) *Аскарлар ва қурол-яроғлар тўла эшелон ўлдириши ёки ўлиши керак бўлган ерларга ошиқмоқда. Улиши сенинг эркингга боглиқ эмас. Ҳеч кимнинг ўлгиси келмайди. Худди, шунингдек ўзининг ўлдирилишини ҳеч ким билмайди. Улдириши — бировнинг эркига боглиқ, урушда бўлса — мажбурий, муқаррар юмуш. Бироқ ўзингга ўзинг ўлдир, ўлдирма дея оласанми?* [4, с. 244].

Находя в родных языках необходимые ресурсы, оба переводчика прививают своим национальным литературам всю мощь, синкретизм и многомерность айтматовского слова. Это умение найти в родном языке слово, тип эстетической образности, соответствующие первоисточнику, отличало манеру выдающихся казахских и узбекских переводчиков конца XIX — нач. XX ст.,

создавших свои национальные школы художественного перевода. Эту традицию продолжают Н. Кадырбаев и С. Караев, талантливые интерпретаторы современной мировой классики.

Одной из особенностей айтматовской прозы, которую часто отмечают критики, является своеобразное переосмысление классического приёма комментирования. Автокомментарий — довольно широко распространённый приём медитативной прозы, утвердившийся в русской литературе, на традиции которой Айтматов всегда опирается. Однако часто употребление этого приёма в айтматовской прозе модифицируется в связи с таким свойством его творчества, как синтез в единой художественной целостности разнокультурных и, соответственно, разноязычных картин мира. Айтматов по-русски не только описывает инокультурные реалии, зачастую мало знакомые носителям русского языка, но и комментирует, почему и как эта реалья получила именно такое языковое обозначение. Комментируя слово или словосочетание, поясняя читателю, являющемуся носителем другой культуры, инонациональные реалии, автор-комментатор становится не только носителем, но и ретранслятором информации для принимающего текст иносознания. Так передаются фоновые знания, фоновая информация [7, с. 37], поддерживающие и уточняющие смысл базового художественного текста, полученного в результате перевода. Айтматов, следуя традиции комментирования-пояснения отдельных слов или микротекстов, пытается вовлечь в семантическое поле русского текста многоуровневые смысловые блоки, восходящие к киргизской, реже — казахской речи. Однако в этом случае задача писателя не просто представить и объяснить читателю элемент чужой картины мира, экзотический уже по определению. Используя иноязычные неосвоенные вкрапления в своём русском тексте, истинно многоязычный Айтматов отнюдь не ограничивается просто показом «чужого». Обладая кросскультурным мышлением, он стремится расширить и углубить семантическое пространство текста примерно так, как это происходит у полилингвов, людей, в равной степени владеющих не одним языком. В случае ощущения недостаточности средств одного языка для максимально адекватного выражения необходимого смысла полилингв заполняет лагуну средствами другого языка, в котором, с его точки зрения, имеются элементы, способные справиться с означиванием понятия, «не поддавшегося» другому языку.

Некоторые типы автокомментариев у Айтматова призваны не только показать чужое, но и «заразить» читателя интересом к смысловым, стилистическим, образно-эстетическим возможностям другого языка, предоставить ему (читателю) возможность почувствовать многомерность языкового пространства и объёмность художественной картины мира, смоделированной в произведении, даже при условии, когда реципиент владеет лишь одним, в данном случае русским, языком. Напр.: *В народе же, в местах его обитания, такого зверя называют «жаабарс» (барс-стрела), что более всего соответствует его натуре — в момент прыжка он и впрямь быстр, как стрела. А ещё называют его «кар кечкен ильбирс», что означает — «по грудь идущий в снегу»... И это тоже соответствует истине... Другие твари ищут ходы, только бы не оказаться заложниками сугробов в горах, а он — мощный! — пашет напрямую... [2, с. 3–4].* Первый авторский комментарий тюркоязычных вкраплений возникает в очень важной текстовой позиции, это начало романа. Высокая значимость позиции этого фрагмента в макротексте подчёркнута сюжетно и стилистически. Сюжетно потому, что фрагмент является описанием-представлением одного из двух главных персонажей — снежного барса, чья судьба образует неразрывное целое с судьбой второго главного героя романа — человека. Такие узлы одновременного параллельного бытия — существенная черта поэтики Айтматова. В плане внутренней организации текста этот приём создаёт взаимобратимость мифа и реальности как основного механизма реализации мифопоэтического начала в творчестве Айтматова. С точки зрения философской концепции автора, это способ воплощения абсолютной и зачастую губительной связи Человека и Зверя в современном мире, стоящем на грани эсхатологической катастрофы.

Стилистически фрагмент как раз и является пространством реализации особой функции авторского комментария тюркского вкрапления. Достаточно обширный комментарий слова «жаабарс» направлен не только на реализацию традиционной функции выделения реалии-экзотизма. Здесь решается и вторая задача — показать, какие особые предметно-смысловые и экспрессивные свойства, важные для построения именно данной модели мира, привносит киргизское слово, как оно делается необходимым для понимания системы фоновых смыслов, обычно недоступных носителям другого языка.

Авторский комментарий имеет три этапа. Первый вообще не включает собственно наименования объекта. Речь идёт о двух существах, которые *не подозревали и не могли подозревать о существовании друг друга на земле [2, с. 3]. Ибо один из них жил в городе..., другой же обитал высоко в горах, в диких скалистых ущельях, поросших густыми арчевниками и покрытых по склонам залеживающимся по полгода тёмным снегом [2, с. 3].* Фактически первый этап уже решил задачу выделения экзотической реалии, т. к. из описания совершенно ясно, что речь идёт о животном, обитающем в местах, чуждых русской картине мира. Горы, скалистые ущелья — это прямо названные знаки «чужого». Имеется, правда, элемент, частично родственный русской картине мира: *снега*, — но эти снега тоже «другие».

Переход от первого этапа ко второму сопровождается вводом русского названия зверя с помощью принятого в зоологии его видового наименования: *Потому и прозывается он снежным барсом*. В дальнейшем изложении автор указывает на обращение к научным знаниям. После указания на сферу использования названия: *А в науке — существует такая наука о высокогорьях...* — Айтматов воссоздаёт собственно научное развёрнутое наименование зверя с указанием его принадлежности к роду и семейству: *... именовался тьянь-шаньским снежным барсом из рода леопардовых, из семейства кошачьих, к которому относятся и тигры* [2, с. 3].

Киргизские вкрапления *жаабарс* и *кар кечкен ильбирс* появляются только на третьем этапе автокомментария, когда персонаж-животное уже точно обозначен. Следовательно, в информационно-познавательном отношении киргизские наименования животного уже избыточны. Однако именно эта избыточность и обнаруживает особые функции тюркоязычных вкраплений. Они углубляют и психологизируют характеристики зверя, освежая введением киргизского слова семантическое пространство имеющегося в русском языке метафорического значения лексемы *стрела* ('некто стремительное и опасное'): *В народе же, в местах его обитания, такого зверя называют «жаабарс» (барс-стрела), что более всего соответствует его натуре — в момент прыжка он и впрямь быстр, как стрела* [2, с. 3]. Таким образом, киргизское слово оказывается точкой пересечения обозначений, принадлежащих разным ЯКМ, т. е. оно одновременно и «чужое», и хорошо узнаваемое, по мотиву номинации близкое «своему». Пройдя эту точку пересечения, айтматовский текст продолжает разработку киргизского вкрапления уже на основе цитации целого выражения: *А ещё называют его «кар кечкен ильбирс», что означает «по грудь идущий в снегу. И это тоже соответствует истине. Другие твари ищут ходы, только бы не оказаться заложниками сугробов в горах, а он — мощный! — пашет напрямую...* [2, с. 3–4].

Киргизское наименование полностью «чужое», однако эта часть комментария реализует фрагмент семантики, отсутствующий в русском языке, придаёт характеристике объёмность, обнажает тот смысл, которого нет в русском языке, но который восстанавливается авторским толкованием. Особая функция киргизских вкраплений заключается в том, чтобы позволить русскоязычному читателю почувствовать своеобразие художественной модели, созданной на основе раскрытия фоновых смыслов, возникающих в результате дополнения русской ЯКМ элементами киргизской ЯКМ. Этот эффект перехода от реального многоязычия автора к созданию иллюзии двуязычия читателя и составляет суть третьего, важнейшего этапа авторского комментария, посвящённого жаабарсу. Чтобы окончательно сплести тюркизм и его русское толкование, выявить взаимодополняемость лексики двух языков, у Айтматова в контексте появляется русское разговорное *пашет* с сильным оттенком интенсивности действия и неутомимости деятеля.

Сравнение переводов с оригинальным текстом обозначило некоторые особенности. Так, в обоих переводах сохранена трёхчастная структура описания зверя-персонажа. Первый фрагмент достаточно точно передаёт основную текстовую задачу: подчеркнуть важность вводимого объекта. Как и в русском тексте, отсутствие прямого наименования зверя заменяется сочетанием указания особенностей среды его обитания и опережающим использованием местоимения *они* (*улар, олар*): (Узб.)... *Улар ер куррасида бир-бирларининг мавжудликларини хаёлларига ҳам келтирмаган* [4, с. 17]. — (Каз.) ... *Олар жер бетинде бір-біріннің бар екендігі жөнінде ешбір шүбә келтірмеген-ді...* [5, с. 1]. Второй фрагмент описания, призванный у Айтматова полностью решить информационно-познавательные задачи, тоже представлен достаточно адекватно. В обоих переводах введено название животного, имеется указание на связь такой формы его обозначения с научным стилем. В русском тексте в названии животного уточняется род и семейство, к которым относится барс. В переводах это уточнение подверглось редукции: остаётся лишь указание на отнесённость зверя к семейству кошачьих: (Узб.): *Бу жонивор яшайди-ган гўшаларда ҳалқ уни Жаабарс, яғни ўқ-барс дейишади (қирғизча жаа — «ёй», «камалак ўқи»), бу сўз йиртқичнинг табиатини, айниқса аниқ ифодалайди — у сакраганда камон ўқи каби отилади. Уни «қор кечган ильбирс» ҳам дейишади — у кўкрагигача қор бўлса ҳам кўрдим демай юриб кетаверади. Бу ҳам тўғри гап. Бошқа жониворлар тоғлардаги қор уюм-ларида қамалиб қолмаслик учун айланма йўлларни хуш кўради, у эса кучига ишониб тикка йўл солади. Қалин қорда қадам чекаверади* [4, с. 17]. (Каз.) *Халық арасында, ол мекен еткен ортада, мұндай аңды «жолбарыс» (жебе-барыс) деп атайды, оның табиғатына бұл неғұрлым сайма-сай келеді, секірет сәтте ол шынында да, жебедей жылдам. Сондай-ақ, оны тағы да «қар кешкен жолбарыс» дейді, бұл — «қарды омыраулап кешуші» дегенді аңартады... Бұл да ақиқатқа дәлме-дәл келеді... Өзге мақұлықтар жол іздейді, таудағы омбы қардың құрсағында қалмау үшін, ал ол — қуатты! — төтесінен жол келеді* [5, с. 1].

В оригинальном тексте образной весомости наименованию «жаабарс» добавляет тот факт, что принадлежность его носителя к семейству кошачьих особо оговаривается. Подчёркивается также, что к этому семейству принадлежит и тигр. Кажущаяся избыточность информации играет совершенно определённую роль: барс — менее известное животное, чем тигр. Тигр же как воплощение мощи, ловкости, силы, ума, хищной красоты включается в картины мира многих

народов, даже тех, ареал проживания которых никак не связан с местами обитания тигров. Поэтому упоминание барса как представителя того же семейства, что и тигр, снимает возможный оттенок несерьёзности, который у носителей русского языка может возникнуть благодаря общности корня лексем *кошка* и *кошачьи*. В обоих переводах эти два важных, но очень разных, с точки зрения этнокультурных ассоциаций, животных как бы объединяются в одно. Этому способствует использование для обозначения *барса* в узбекском и казахском того же слова, что и для называния тигра. Как можно убедиться, именно на третьем этапе автокомментария реализуется одна из специфических черт индивидуальной поэтики Айтматова.

Неразграничение языковых обозначений тигра и барса в узбекском и казахском переводах стало одной из причин утери авторской установки на создание кросскультурного эффекта, смоделированного путём сопоставления киргизских вкраплений и способов их подачи в русском тексте.

Таким образом, в казахском и узбекском переводах проанализированного фрагмента романа Чингиза Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» выявлено два типа причин, вызывающих переводческие трудности: во-первых, причины, связанные с гетерогенностью и гетероморфностью языка-оригинала; во-вторых, — с индивидуально-авторским видением мира, кросскультурным мышлением Айтматова, его полилингвизмом, использованием специфических художественных приёмов. В связи с наличием объективных переводческих трудностей в текстах переводов романа на узбекский и казахский языки обнаружен ряд неточностей и невыраженных смыслов, основные из которых можно объединить в несколько групп: 1) неточности, связанные с паронимией переводимых с русского языка слов, в иноязычных переводах; 2) неточности, обусловленные разной частотностью и степенью актуальности некоторых русских лексем и их иноязычных соответствий, разницей их денотативных и коннотативных макрокомпонентов в русском языке и языках переводов; 3) неточности и невыраженные смыслы, обусловленные спецификой авторского художественного мышления и воплощающей его индивидуальной поэтики писателя. Наименее изученным оказался тип трудностей передачи индивидуально-авторских художественных приёмов, связанных со спецификой айтматовского автокомментария заимствований из киргизского языка, обусловленных стремлением писателя создать кросскультурный эффект.

Л и т е р а т у р а

1. *Айтматов Ч.* «Мне есть ещё, что сказать читателям» [Электронный ресурс] / Ч. Айтматов. — Режим доступа : <http://hedgehogek.livejournal.com/3821.html>.
2. *Айтматов Ч.* Когда падают горы : Роман. Белый пароход : После сказки / Ч. Айтматов. — М. : АНО Редакция журнала «Дружба народов», 2008. — 288 с.
3. *Айтматов Ч.* Кулаётган тоғлар (Мангу кайлик) / [пер. на узб. И. Гафуров] / Ч. Айтматов // Жихон адабиёти. — Тошкент, 2008. — № 12. — С. 3–86.
4. *Айтматов Ч.* Тоғлар кулаётган замон (Абадий каллик) / [пер. на узб. С. Караев] ; Чингиз Айтматов. — Тошкент : VEKTOR-PRESS, 2009. — 251 б.
5. *Айтматов Ш.* Таулар қулағанда (Мәңгілік қалындық) / [пер. на каз. Н. Қадырбаев] ; Шыңғыс Айтматов. — Шымкент : ЖШС Кітап, 2009. — 150 б.
6. *Бубер М.* Мыслители XX в. Диалог // М. Бубер. Два образа веры. — М. : Республика, 1995. — С. 99–101.
7. *Виноградов В. С.* Перевод : общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. — М. : КДУ, 2006. — 240 с.
8. *Владимирова Н. В.* Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода / Н. В. Владимирова. — Т. : Фан, 2011. — 336 с.
9. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литератур / Д. Дюришин. — М. : Прогресс, 1979. — 320 с.
10. *Казахско-русский, русско-казахский словарь для учащихся и студентов.* — Алматы : Аруна, 2002. — 416 с.
11. *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр / В. А. Миханкова. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1948. — 555 с.
12. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : ООО ИТИ Технологии, 2006. — 944 с.
13. *Он войдёт в генетическую память* не только нации, но и всего рода [Электронный ресурс]. — Режим доступа : aytmatov.com/index.php?option=article...2012-12-12.
14. *Фёдоров А. В.* Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. — 4-е изд. — М. : Высшая школа, 1983. — 303 с.
15. *Hrabák J.* Literární komparatistika / J. Hrabák. — Praha, 1971.

References

1. *Ajtmatorov Ch.* «Mne est' eshche chto skazat' chitatel'nyam» [Elektronnyj resurs] / Ch. Ajtmatorov. — URL : <http://hedgehogek.livejournal.com/3821.html>.
2. *Ajtmatorov Ch.* *Kogda padajut gory* : Roman. Belyj parohod : Posle skazki / Ch. Ajtmatorov. — M. : ANO Redakcija zhurnala «Druzhba narodov», 2008. — 288 s.
3. *Ajtmatorov Ch.* *Qulayotgan tog'lar* (Mangu qajliq) / [per. na uzb. I. Gafurov] / Ch. Ajtmatorov // *Zahon adabiyoti*. — Toshkent, 2008. — № 12. — S. 3–86.
4. *Ajtmatorov Ching'iz.* *Tog'lar qulayotgan zamon* (Abadij qalliq) / Ch. Ajtmatorov. — Toshkent : VEKTOR-PRESS, 2009. — 251 b.
5. *Ajtmatorov Ch.* *Taular qulag'anda* (Mangilik qalyndyq) / [per. na kaz. N. Qadyrbaev] ; Ch. Ajtmatorov. — Shymkent : ZHSHS Kitap, 2009. — 150 b.
6. *Buber M.* *Mysliteli XX v. Dialog* // B. Buber. *Dva obraza very*. — M. : Respublika, 1995. — S. 99–101.
7. *Vinogradov V. S.* *Perevod : obshchie i leksicheskie voprosy* / V. S. Vinogradov. — M. : KDU, 2006. — 240 s.
8. *Vladimirova N. V.* *Razvitie uzbekskoj prozy XX veka i voprosy hudozhestvennogo perevoda* / N. V. Vladimirova. — Tashkent : Fan, 2011. — 336 s.
9. *Diurishin D.* *Teoriya sravnitel'nogo izuchenija literatur* / D. Diurishin. — M. : Progress, 1979. — 320 s.
10. *Kazakhsko-russkij, russko-kazakhskij slovar'* dlia uchashhikhsia i studentov. — Almaty : Aruna, 2002. — 416 s.
11. *Mihankova V. A.* *Nikolaj Yakovlevich Marr* / V. A. Mihankova. — M. — L. ^ Izd-vo AN SSSR, 1948. — 555 s.
12. *Ozhegov S. I.* *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — M. : OOO ITI Tekhnologii, 2006. — 944 s.
13. *On vojdet v geneticheskiju pamiat'* ne tol'ko nacji, no i vsego roda [Elektronnyj resurs]. — URL : ajtmatorov.com/index.php?option=article&article=2012-12-12.
14. *Fedorov A. V.* *Osnovy obshchej teorii perevoda* / A. V. Fedorov. — M. : Vyssh. shk., 1983. — 303 s.
15. *Hrabák J.* *Literární komparatistika* / J. Hrabák. — Praha, 1971.

СИЗДИКБАЄВ Нургалі Артикбаєвич,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри «Тілдер» університету «Сирдарія»; вул. Мухтара Аuezова, 11, м. Жетисай Шимкентської області, Казахстан; e-mail: siznur@mail.ru; тел. +7 (872534) 61 463

ПРО ДЕЯКІ ТРУДНОЩІ ПЕРЕКЛАДУ РОМАНУ Ч. АЙТМАТОВА «КОЛИ ПАДАЮТЬ ГОРИ (ВІЧНА НАРЕЧЕНА)» НА КАЗАХСЬКУ Й УЗБЕЦЬКУ МОВИ

Анотація. *Meta* статті — розмежувати у процесі опису труднощі перекладу, що виникають як наслідок власне мовних причин у мові-джерелі та мовах перекладів. *Об'єкт* дослідження — російський оригінал тексту роману Чингіза Айтматова «Коли падають гори (Вічна наречена)» та тексти його перекладів на казахську й узбецьку мови. *Предмет* дослідження — особливості міжмовного перекладу, що мають, по-перше, соціолінгвістичну природу; по-друге, — пов'язані зі своєрідністю індивідуальної поетики Ч. Айтматова. У роботі використані *методи* аксіологічного, семантичного, порівняльного аналізу, історичний і описовий методи. У *результаті* проведеного дослідження зроблено певні *висновки*. У романі «Коли падають гори (Вічна наречена)» яскраво втілено кроскультурність художнього мислення Чингіза Айтматова. Визначення прийомів, що реалізують цю властивість у поетиці тексту, і аналіз способів їх перекладу на тюркські мови, не споріднені мові оригіналу, але близькі між собою за належністю до однієї мовної сім'ї, надає можливість ставити принципово нові проблеми, які не сформульовано у класичній теорії перекладу. Дослідницький підхід, який намічено у статті, має *практичне застосування*, бо сприяє інтерпретації іншомовних вкраплень, елементів, які зазвичай позбавлені більш-менш «близьких» еквівалентів або мають не всім зрозумілий культурний фон.

Ключові слова: міжлітературна комунікація, кроскультурне мислення, типи труднощів художнього перекладу, автокоментар, тюркомовні вкраплення, Чингіз Айтматов.

Nurgali A. SYZDYKBAEV,

Candidate of Philology (PhD), Associate Professor of «Tilder» University «Syrdarya»; 11 Mukhtar Auevov st., Zhetysai, Shymkent region, Kazakhstan; e-mail: siznur@mail.ru; tel.: +7 (872534) 61463

SOME TRANSLATION DIFFICULTIES OF CH. AITMATOV'S NOVEL «WHEN THE MOUNTAINS FALL (THE ETERNAL BRIDE)» IN KAZAKH AND UZBEK LANGUAGES

Summary. The *purpose* of the article is to differentiate the process of describing the difficulties of translation arising as a consequence of the actual linguistic reasons in the source language and target language. The *object* of study is the original Russian text of Aitmatov's novel «When the Mountains Fall (the Eternal Bride)» as well as its translations into Kazakh and Uzbek languages. The *subject* of the research is the features of cross-language translation which have sociolinguistic nature and are associated with the originality of

Aitmatov's individual poetics. Axiological, semantic, comparative analysis, historical and descriptive methods have been used in this research. As a *result* of the study the following *conclusions* are made. In the novel, «When The Mountains Fall (the Eternal Bride)» a cross-cultural artistic thinking of Chingiz Aitmatov received a vivid expression. The determined methods that reflect this property in the poetics of the text, and the analysis of its translation into the Turkic languages provide an opportunity to set up fundamentally new problems that are not formulated in the classical theory of translation. In terms of *practice* of translation, the approach outlined in the article can help in the interpretation of foreign inclusions, elements, usually considered fundamentally not translatable and deprived of more or less «close» equivalents.

Key words: interliterary communication, cross-cultural thinking, types of difficulties of literary translation, autocommentary, Turkic inclusion, Chingiz Aitmatov.

Статью отримано 28.10.2015 р.

УДК 811.161.1'27'282.2'373.23/.47(477.74)

ШУМАРИНА Татьяна Федоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38 (048) 683539; моб.: +38 067 3779936

ЧУЛОЧНИКОВА Александра Сергеевна,

специалист кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: chulo4nikova@gmail.com; моб.: +38 063 4745649

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Цель данной статьи — выяснить, в какой мере употребление экспрессивной диалектной лексики (в т. ч. эмоционально-экспрессивные номинации лица) определяется социальными параметрами личности (возрастом и полом) и в каких условиях литературный язык оказывается доминирующим при выборе альтернативных вариантов выражения. Объект исследования — экспрессивно-эмоциональная диалектная лексика с семой 'человек'. Предмет изучения — особенности стратификационной вариативности использования эмоционально-экспрессивной диалектной лексики в русском старообрядческом говоре села Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области. Материалом для наблюдений послужили 460 экспрессивных лексем, извлеченных из «Словаря русских говоров Одесщины». В работе использовалось прямое наблюдение и интервьюирование как методы социолингвистического анализа, а также описательный и количественный методы лингвистического исследования. Результатом исследования стало установление возрастных и гендерных индикаторов и маркеров использования экспрессивно-эмоциональной диалектной лексики диалектоносителями. Выводы могут оказаться полезными при подготовке нового издания Словаря русских говоров Одесщины, при составлении иных диалектных словарей, при описании русских говоров отдельных сёл.

Ключевые слова: русские говоры Одесской области, диалектная лексика, эмоционально-экспрессивная лексика, социолингвистический маркер, социолингвистический индикатор.

Село Старая Некрасовка, где проводилось наблюдение и были собраны узуальные данные для исследования, находится в 7 км от Измаила, на левом берегу Дуная. Население — 3700 человек. Основная национальность — русские. Село было основано в 1814 г. потомками донских казаков-некрасовцев, ушедших после разгрома Булавинского восстания в Турцию (1740 г.) и вернувшихся во время одной из русско-турецких кампаний нач. XIX в. в Россию. Жизнь села, её формы, традиции, быт в современных условиях не остаются неизменными. Носителям диалекта — сельским жителям — всё чаще приходится участвовать в общении, где доминирует литературная речь. Литературная речь влияет на говоры через СМИ; в некоторой степени — через Интернет; владение литературной нормой языка необходимо в официальных ситуациях общения и т. д. Постоянное воздействие литературного языка на диалекты отчасти модифицирует традиционный говор. Но пока сохраняется специфика сельской жизни и присущие ей особые коммуникативные условия, сохраняется и коммуникативная значимость диалектов.

Известно, что в целом диалектная речь более экспрессивна и эмоциональна, чем литературная, поскольку она существует только в живой, устной форме. Замечено, что, несмотря на